

Фомин Александр Григорьевич

Аннотации

Теория и практика их составления

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А46

А46 **Александр Григорьевич Ф.**
Аннотации: Теория и практика их составления / Фомин Александр Григорьевич – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 153 с.

ISBN 978-5-521-28510-5

ISBN 978-5-521-28510-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I. АННОТИРОВАНИЕ ПЕЧАТНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В РОССИИ И СССР.

1. Дореволюционная эпоха.

Аннотации составлялись в России уже в XVIII в. Во второй половине этого века еп. Дамаскин (Семенов-Руднев), делая в «Библиотеке Российской», в свое время в печати не появившейся и напечатанной лишь в XIX в.¹, первый опыт создания общего хронологического списка книг, «в России с начала типографий на свет вышедших», доведя его до 1785 г., снабдил описания многих книг аннотациями, иногда довольно обширными. В них Дамаскин указывал издания, описанные *de visu*, называл авторов анонимных книг, авторов предисловий к книгам, переводчиков, давал иногда историю данной книги, высказывал свои предположения о месте и времени напечатания книг, отмечал редкость книг, разные издания книги, различия их по составу и тексту, библиотеки, в которых хранились книги, шрифт, бумагу, иллюстрации, делал выдержки из предисловий к книгам, указывал приложения к ним, приводил содержание книг, выдержки из них, говорил о значении книг. Еще большее внимание было уделено аннотированию книг в начале XIX в. В. С. Сопиковым. В своем знаменитом «Опыте

¹ «Библиотеку» Дамаскина начал печатать по его рукописи В. М. Ундольский в 1847 г. Возобновив печатание в 1851 г., В. М. Ундольский не кончил его, напечатав всего 56 страниц, оканчивающихся 1713 г. В 1881 г. «Библиотека» была напечатана по списку, принадлежавшему К. С. Сербиновичу, в «Памятниках древней письменности» (вып. XI). В этом издании «Библиотека» заканчивается 1698 г. В 1891 г. в «Чтениях в Обществе Истории и Древностей Российских» (кн. 1) были даны листы, напечатанные В. М. Ундольским в 1848 и 1851 г.г.

Российской библиографии» (Спб. 1813—1821) он дал многочисленные и разнообразные аннотации к описанию многих книг, особенно старопечатных церковно-славянских, перечисленных им в первом томе его труда. В аннотациях В. С. Сопиков раскрывал псевдонимы, называл авторов анонимных книг, указывал, кому приписывается сочинение или перевод, отмечал, что книга написана не тем автором, который указан на ней, называл переводчиков, издателей, печатников, приводил полные заглавия книг, давал иногда историю книги, указывал, когда и где первоначально была напечатана описанная книга, высказывал предположения о месте и времени печатания книг, отмечал количество напечатанных экземпляров книг, продажную цену их, издания незаконченные, книги редкие, напечатанные, но в свет не вышедшие, книги, напечатанные тайно, уничтоженные, сгоревшие, указывал, кому посвящена книга, другие издания описанной книги, различие их по составу и тексту, лучшие и наиболее полные из них, издания с ошибками, оригиналы переводных сочинений, другие переводы данного сочинения, исправность этих переводов, библиотеки, в которых хранились книги, дефектность описанного экземпляра книги, рукописные заметки на нем, отмечал внешность издания, шрифт, печать, бумагу, иллюстрации, портреты, делал выписки из предисловий и послесловий к книгам, указывал прибавления к ним, приводил содержание книг, их оглавления, отмечал источники сочинения, делал (в I—III томах) обширные выписки из книг, замечания об их стиле, давал оценку книг, говорил о значении их, рекомендовал особо некоторые книги, указывал перепечатки книг, переводы русских книг на иностранные языки, отзывы о книгах, исправлял ошибки других библиографов в описании книг и др. Таким образом, в труде В. С. Сопикова аннотации уже сложились, заключая почти все основные свои элементы.

Из последующих русских библиографических указателей особенно замечательными в отношении аннотаций (их большого размера, детальности и общей ценности) явились: 1) «Русская морская библиотека. 1701—1851» А. П. Соколова («Записки Гидрограф. Департамента»,

1847—1852; 2-ое изд. Спб. 1883), 2) «Указатель статей по русской истории, географии, статистике, русскому праву и библиографии, помещенных в «Вестнике Европы». 1802—1830» М. П. Полуденского («Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских», 1860), 3) «Материалы для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII ст., напечатанных в России гражданским шрифтом. 1725—1800» Н. В. Губерти (М. 1878—1891), 4) «Систематический обзор русской народно-учебной литературы», составленный, по поручению Комитета Грамотности, состоящего при Вольном Экономическом Обществе, специальною комиссиею (Спб. 1878—1882; 2-ое изд. Спб. 1895), где аннотации, преследуя рекомендательные цели, главным образом, вскрывали содержание книг, характеризовали изложение, давали оценку книг и указывали, для какого читателя они пригодны, 5) «Что читать народу?», указатель книг для народного и детского чтения, составленный учительницами Харьковской частной женской воскресной школы (Спб. 1884—1906), где были даны аннотации рекомендательного характера, в которых уделялось главное внимание оценке книг и указанию пригодности их для того или иного читателя и приводились отзывы малолетних и взрослых читателей о книгах в письменной форме или в передаче учительниц, 6) «Русская физико-математическая библиография» В. В. Бобынина (М. 1885—1893), где аннотации отличаются не только своей обширностью, но и стройностью, заключая три основных элемента: а) содержание книги, б) цели и задачи, преследуемые автором, иногда издателем или переводчиком, в) источники сочинения, и др.

Таким образом, в XIX в. аннотациями снабжались библиографические указатели различного типа: не только 1) преследующие просветительные цели и имеющие рекомендательный характер («Систематический обзор русской народно-учебной литературы», «Что читать народу?»), но и 2) предназначенные для научных потребностей: а) библиографические указатели книг по различным отраслям знания (Губерти), б) специальные библиографические указатели по отдельным отраслям знания (Соколова, Бобынина),

в) указатели статей в отдельных журналах (Полуденского).

Несмотря на то, что указанные труды, ценность которых была общепризнана, уделили серьезное внимание вскрытию содержания описанных печатных произведений, передавая его подробно, в русской библиографии XIX в. не было осознано важное значение этого, вопрос вызывал разногласия. Выработав в 1891 г. «Способ описания книг», Московский Библиографический Кружок, преобразованный в 1900 г. в Русское Библиографическое Общество, включил в схему описания «краткое определение содержания книги». Как видно из «Очерка деятельности Московского Библиографического Кружка за первый год его существования (с 4 окт. 1890 г. по 1 дек. 1891 г.)» (М. 1892. Стр. 35), этот § 13 вызвал среди членов Комитета Кружка разногласия: «Далеко не все члены Комитета были согласны с тем, чтобы давать изложение содержания каждой книги, а настаивали на том, чтобы излагать содержание только тех книг, которые имеют научный интерес или же особенно редки, а также и тех, заглавие коих не соответствует тексту. Некоторые же члены полагали, что если внешние признаки книги описываются со всевозможным тщанием, то было бы не рационально игнорировать внутреннее содержание и тем как будто лишать книгу самого существенного, т. е. допустить возможность предположения, что книга совсем бессодержательная».

Хотя в XIX в. появилось несколько рекомендательных библиографических указателей, имеющих в виду обслужить сравнительно широкую читательскую массу, среди которых были такие замечательные труды, как отмеченные «Систематический обзор русской народно-учебной литературы» и «Что читать народу?», русская библиография в XIX в. в общем мало удовлетворяла жизненные запросы, недостаточно обслуживала интересы широких масс читателей, а имела академический характер, служила, главным образом, научным потребностям, предназначалась для специалистов. Это определяло характер библиографических указателей, применяемые в них библиографические методы: господствовали «описательные» указатели, ограничивающиеся описанием лишь внешней стороны печатных произведений.

С начала XX в. в части наших библиографов все более и более стала обнаруживаться неудовлетворенность принятым русской библиографией направлением, начало развиваться стремление, наряду с удовлетворением научных потребностей, пойти навстречу запросам широких масс читателей. Это особенно сказалось в работах Н. А. Рубакина («Среди книг». Спб. 1906; 2-е изд. М. 1911), И. В. Владиславлева («Что читать?». Вып. I. М. 1911; 4-е изд. М. 1919) и К. Н. Дерунова («Жизненные задачи библиографии». — «Библиограф. Изв.», 1913, №№ 1 и 2; отдельно: М. 1913).

Обозрев весь длинный путь, пройденный русской библиографией с ее зарождения, указывая на печальные итоги этого пути, на неудовлетворительное в общем состоянии нашей библиографии, отмечая, что «между жизнью и библиографией, между публикой и библиографом всегда пролежала бездонная пропасть», К. Н. Дерунов писал: «вне сближения библиографии с жизнью, с текущими духовными запросами широких кругов общества, находящими себе отклик в немногочисленных пока попытках разработки специальной библиографии избранной литературы, — русским библиографам и в дальнейших их начинаниях суждены лишь благие порывы. Прямой их расчет — вывести библиографию из тесного и душного подполья (ученых для ученых) на широкую и светлую дорогу активных ее выступлений в специальной роли надежного и просвещенного руководителя, образующего вкус к «хорошим» сочинениям». («Библиограф. Изв.», 1913; № 1, стр. 4 и 22).

Вместе с стремлением пойти навстречу запросам широких масс читателей, обнаружилась и неудовлетворенность распространенными в русской библиографии методами, господствовавшими «описательными» библиографическими указателями, выявилось стремление не ограничиваться описанием лишь внешности печатных произведений, а характеризовать и внутреннюю сторону, вскрыть их содержание. «Нужно принять за правило, — говорил в указанной выше работе Н. А. Рубакин (2-е изд. Т. I. М. 1911. Стр. 160), — что самым лучшим средством для распространения хорошей книги может и должно служить ее описание; это описание нужно делать при всяком

удобном случае возможно полным и возможно беспристрастным, не пренебрегая ничем для того, чтобы объективно познакомить читателя с содержанием и характером книги». «Имеющиеся у нас справочно-библиографические пособия, посвященные популярной литературе, — говорил И. В. Владиславлев в предисловии к I вып. «Что читать?» (4-ое изд. М. 1919. Стр. 3), — предназначены обслуживать, в сущности, не столько самого читателя, сколько руководителей этого читателя и вообще профессиональных работников книги. Составленные обычно в виде простого общего перечня, без удобной для начинающих читателей группировки, без раскрытия содержания книги, без каких-либо руководящих указаний, они ориентируют читателя не больше, чем это делает общераспространенного типа библиотечный каталог. Разница между ними лишь в подборе книг, но отнюдь не в форме построения и описания. Приобщение к культуре и книге широкой читательской массы поставило уже перед библиотечными деятелями острый вопрос о «реформе библиотечного каталога»; не менее необходима эта реформа и в области библиографии, особенно в области библиографии популярно-педагогического типа. Рассчитанные на широкие круги читателей, пособия эти особенно должны преследовать ту цель, чтобы и подробностью описания, и соответствующей группировкой, и расположением материалов, и различного рода указаниями облегчать читателю трудную работу ориентировки в книгах».

Стремление при библиографическом описании книги раскрыть ее содержание проявляется в начале XX в. не только среди представителей рекомендательной библиографии, но и среди представителей «академической». Это пропагандировал А. Д. Торопов в «Опыте руководства к подробному описанию книг согласно требованиям современной библиографии» (М. 1901). Но косность, привычка к господствовавшим в нашей библиографии методам описания книг были еще так сильны, что указание А. Д. Торопова на необходимость вскрытия содержания книг вызвало решительные возражения в появившемся через год «Руководстве к библиографическому описанию книг» Ю. Битовта (М. 1902. Стр. 83), называвшего это указание

«крайне неудобным нововведением, могущим надолго затормозить дело Российской библиографии».

Говоря о необходимости при библиографическом описании книг вскрывать их содержание, Н. А. Рубакин, И. В. Владиславлев и А. Д. Торопов тем самым выдвигали аннотации. Вышедшие в 1900—1916 г.г. библиографические инструкции, хотя и вскользь, но уже говорят об аннотациях, называя их «замечаниями» или «примечаниями». (См.: 1) А. Торопов. «Опыт руководства к подробному описанию книг согласно требованиям современной библиографии». М. 1901. Стр. 64—67; 2) Ю. Битовт. «Руководство к библиографическому описанию книг». М. 1902. Стр. 97—111; 3) В. В. Л—ий [Лемешевский]. «Опыт описания библиографической карточки». Спб. 1907. Стр. 17; 4) «Каталография. Техника библиографического описания». Составлена Комиссией Сибирской библиографии при Русском Библиографическом Обществе.—«Библиографические Известия», 1913, № 4, стр. 272). Значительно увеличивается в 1900—1916 г.г. и число выходявших аннотированных библиографических указателей. Несмотря на то, что в эти годы значение аннотаций было уже осознано, на них не было обращено должного внимания, выходявшие в эти годы аннотированные библиографические указатели составляли меньшинство, в нашей библиографии попрежнему господствовали «описательные» указатели.

Гораздо позднее было осознано значение аннотаций в нашем библиотечном деле. В первом русском солидном руководстве по библиотечному делу, в известной книге Л. Б. Хавкиной: «Библиотеки, их организация и техника» (Спб. 1904), освещающей всесторонне библиотечную работу, об аннотациях, как средстве помощи читателям, даже не упоминалось. Позднее, в 1911 г. на Первом Всероссийском Съезде по библиотечному делу, привлечшем значительное число наших библиотечных работников, дебатировались всевозможные, самые мелкие вопросы библиотечной работы, но аннотации не привлекли внимания. В доложенном на Съезде «Нормальном плане постановки библиотечной техники в небольших библиотеках», составленном целой Комиссией по народным и общественным библиотекам Общества Библиотековедения, подробно

разработанном и остановившемся на различных деталях, рекомендовавшем «стремиться к тому, чтобы, пользуясь систематическим каталогом, читатель мог составить себе полное и ясное представление о занесенной в каталог книге», об аннотациях ничего не говорилось. Не привлек к ним внимания Съезда даже доклад Н. А. Парманина: «Система рекомендательных списков по отделу беллетристики», который знакомил с интересным опытом аннотирования книг 1-ой народной библиотеки-читальни Харьковского Общества грамотности. Из многочисленных сделанных на Съезде докладов это был единственный доклад, выдвигавший аннотации. Делавший это второй доклад С. Н. Парчевского: «Некоторые вопросы, возникающие в практике библиотеки служащих Южных железных дорог» остался не заслушанным за недостатком времени. (См.: «Труды Первого Всероссийского Съезда по библиотечному делу». Ч. II. Спб. 1912. Стр. 209—216, 260—310, 422—430).

В 1915 г. к изданной анонимно книге А. М. Белова: «Правила составления каталогов алфавитного, систематического и предметного» было дано приложение: «Аннотация или библиотечная библиография». Это небольшое в 8 страниц приложение к другой книге, знакомившее с правилами составления аннотаций, принятыми в американских библиотеках, было первой нашей специальной и единственной за все дореволюционное время работой об аннотациях. Насколько они были тогда малоизвестны, видно из сделанного 4 декабря 1915 г. в Русском Библиологическом Обществе доклада А. М. Ловягина: «О библиотечных правилах А. М. Белова». А. М. Ловягин признал, что «из всего содержания книги А. М. Белова наиболее интересным и наиболее новым для русского читателя является 1-е приложение, в котором автор останавливается на «аннотации» или библиотечной библиографии». (См.: «Русское Библиологическое Общество. Доклады и отчеты. 1915—1916 г.г.». Пгр. 1917. Стр. 38—41).

Если значение аннотаций в библиотечном деле уже было осознано до революции 1917 г., если они уже тогда стали применяться в библиотечных каталогах, то они не привлекли еще должного внимания, очень мало были распространены в библиотечном деле.

2. Послереволюционная эпоха.

После революции 1917 г., когда библиография стала в большей мере, чем прежде, удовлетворять потребности жизни и выходящие библиографические указатели в большинстве стали предназначаться для пользования широкой массы читателей, значение аннотаций стало все более и более сознаваться и в последние годы аннотации широко распространились. За это время появилось множество аннотированных библиографических указателей, они стали доминировать над «описательными». Аннотациями стали снабжаться даже издательские каталоги. Широко распространились аннотации и в наших, главным образом, общественных библиотеках.

Утвердившееся признание важного значения аннотаций вызвало издание аннотированных библиографических карточек для потребностей библиотек, книгоиздательств и книжных магазинов.

В сентябре 1925 г. Главполитпросветом РСФСР было организовано Бюро Центральной Каталогизации, поставившее своей основной задачей снабжение библиотек массового пользования (политпросветских, профсоюзных, военных, школьных и т. п.), книгоиздательств и книжных магазинов аннотированными библиографическими карточками с описанием выходящих книг¹. При составлении

¹ О работе Бюро Центральной Каталогизации см.: 1) «Главполитпросвет. Бюро Центральной Каталогизации. Издание каталожных аннотированных карточек». М. 1925; 2) «Бюллетень Бюро Центральной Каталогизации», 1926—1928; 3) «Бюллетень Редакции Бюро Центральной Каталогизации», 1926—1927, №№ 1—4 (на пишущей машинке); 4) И. Жук. «Принципы аннотирования книг». — «Красный Библиотекарь», 1926, № 7, стр. 20—27; 5) М. Сафонов. «Аннотация или рецензия? (О карточках Бюро Центральной Каталогизации)». — «Книгоноша», 1926, № 36 (157), стр. 15—16; 6) Тезисы доклада И. Жука: «Типы аннотаций и методы аннотирования». — «I Всероссийский Библиографический Съезд. Тезисы к докладам. Проекты порядка дня и регламента Съезда». М. 1926. Стр. 23—26; 7) И. Жук и М. Минчина. «Аннотация общего каталога массовой библиотеки». — «Красный Библиотекарь», 1927, № 8, стр. 55—62; № 9, стр. 61—66; 8) «Бюро Центральной Каталогизации Главполитпросвета РСФСР». М. 1927; 9) А. Бек. «На библиотечном фронте». — «На литературном посту», 1927, сент., № 17—18, стр. 78 и 79.

аннотаций Бюро придерживается следующих основных принципов: а) сжатость, краткость аннотации, б) описательность (конкретность), в) объективность (отсутствие оценки книги и точность) (в некоторых случаях допускаются элементы скрытого руководства чтением), г) ориентировка на читателей (а не на библиотекарей). Вместе с этим в аннотациях указывается степень трудности книг при помощи римских цифр. Обсудив доклад о работе Бюро за период с 1-го октября 1925 г. по 1-е января 1927 г., Президиум Главполитпросвета постановил 20 января 1927 г.: «признать необходимым взять в работу над карточками линию рекомендации книг, а не только аннотирования их». Во исполнение этого постановления Бюро в 1927 г. начало издавать дополнительно рекомендательные карточки, на которых помещались рекомендательные отметки Библиографического Отдела Главполитпросвета, отмечался тип библиотеки, давалась оценка книги и указывалась ее целевая установка. В марте 1927 г. Бюро приступило к изданию аннотированных карточек с описанием книг, выпущенных до 1926 г. и составляющих «библиотечное ядро». С ноября 1927 г. Бюро помещает на карточках (кроме карточек с описанием belletrистических и детских книг) предметные рубрики. С 1928 г. вместо рекомендательных карточек Библиографический Отдел Главполитпросвета стал издавать аннотированный «Рекомендательный Бюллетень», в котором помещаются: библиографическое описание книг, краткое содержание их, краткие критические и методические замечания о них (в случае необходимости таковых), условные рекомендательные пометки, дающие оценку книги, и индекс десятичной классификации. Бюро издано карточек (названий книг): до 1926 г. (для «библиотечного ядра» и по особым заказам)—1.000, за 1926 г.—12.000, за 1927 г.—9.000, за 1928 г. (по 20 сент.)—5.300; всего по это число—27.300. Общий тираж—18.611.000; распространено—13.281.000.

По примеру Бюро Центральной Каталогизации аннотированные библиографические карточки с описанием выходящих книг стала выпускать с конца 1926 г. Библиотечная Секция Кабинета Культуры Ленинградского